ДЖО ХИЛЛ

СБОРНИКИ

Черный телефон / Призраки двадцатого века
Странная погода
Полный газ

РОМАНЫ

Коробка в форме сердца
Рога
NOS4A2. Носферату
Пожарный
Царь Скорбь

ГРАФИЧЕСКИЕ РОМАНЫ

Ключи Локков
Призрак страны Рождества

JOE HILL

NOS4A2

ДЖО ХИЛЛ

НОСФЕРАТУ

FANZON

МОСКВА

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Х45

Joe Hill

NOS4A2

Copyright © 2013 by Joe Hill

Published by arrangement with William Morrow,
an imprint of HarperCollins Publishers

Перевод *Сергея Саксина*
Перевод стихов *Анны Блейз*
Дизайн *Елены Куликовой*
Иллюстрация *Валерия Петелина*

Хилл, Джо.

Х45 Носферату / Джо Хилл ; [перевод с английского С. Саксина, А. Блейз]. — Москва : Эксмо, 2026. — 704 с.

ISBN 978-5-04-243554-6

В детстве у Виктории был велосипед, на котором она могла пересекать воображаемый мост и сразу попадать туда, куда хотела. Скоро Вик узнает, что она не единственная, у кого есть «магическая» вещь. Мэгги Ли, владелица волшебных фишек «Скрэббл», рассказывает ей о Призраке на черном «Роллс-Ройсе» с номером NOS4A2 — «Носферату», который уже сотню лет похищает детей. Вик пытается выследить Призрака, но теряет велосипед и, повзрослев, думает, что все это было детской фантазией. Однако кошмар юности Вик вернулся — Призрак украл ее сына, и ей придется отправиться за ним в воображаемый мир психопата — Страну Рождества.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© С. Саксин, перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-243554-6

Моей маме —
вот тебе крутая тачка
для королевы историй

Die Todten reiten schnell[1].
Готфрид. Бюргер[2], «Ленора»

[1] Гладка дорога мертвецам *(пер. В. А. Жуковского)*

[2] Бюргер, Готфрид (1747—1794) — немецкий поэт-романтик; баллада «Ленора» — самое известное его произведение.

Пролог
СЧАСТЛИВОГО РОЖДЕСТВА!
Декабрь 2008 года

Федеральное исправительное учреждение «Энглвуд», штат Колорадо

Медсестра Торнтон заглянула в медицинское отделение около восьми часов с пакетом подогретой крови для Чарли Мэнкса.

Двигалась она на полном автопилоте: мысли ее никак не были связаны с работой. После долгих колебаний Эллен Торнтон наконец решила купить своему сыну Джосайе игровую приставку «Нинтендо ДС», которую тот у нее давно просил, и сейчас она прикидывала, успеет ли заскочить в магазин «Мир игрушек» после окончания своего дежурства, до его закрытия.

Эллен боролась с этим позывом на протяжении нескольких недель, по чисто философским соображениям. На самом деле ей не было никакого дела до того, что такие игровые приставки были у всех друзей Джосайи. Просто ей не нравилась сама идея подобных портативных игровых консолей, которые дети таскали с собой повсюду. Эллен Торнтон терпеть не могла то, как мальчишки погружались с головой в светящиеся экраны, меняя действительность на какие-то задворки воображения, где удовольствие подменяло мысль, а изобретение новых изощренных способов убивать возводилось в ранг искусства. В своих мечтах она видела, что сын любит читать книги, играть в «Скрэббл»[1] и хочет ходить вместе с ней в лыжные походы. Как смешно!

---

[1] «Скрэббл» — настольная игра, в которой игроки состязаются в образовании слов с использованием буквенных плиток на специальном игровом поле.

Эллен держалась долго, сколько могла, но затем, не далее как вчера вечером, застала Джосайю сидящим на кровати со старым бумажником в руках. Мальчик притворялся, будто это «Нинтендо». Вырезав картинку с кадром из игры, Джосайя вставил ее в прозрачный пластиковый карман для фотографий. Нажимая воображаемые кнопки, он изображал звуки взрывов, и у Эллен оборвалось сердце при виде того, что ее сын уже абсолютно уверен в том, какой именно подарок получит на Большой Праздник. В этот момент она поняла: она сама может думать все что угодно насчет того, что полезно для мальчишек, а что нет. Однако из этого вовсе не следовало, что Санта-Клаус должен разделять ее мнение.

Поскольку мысли Эллен были заняты другим, она заметила, что с Чарли Мэнксом что-то не так, только когда обходила его койку, чтобы добраться до капельницы. Так получилось, что как раз в этот момент он тяжело вздохнул, словно скучая. Эллен опустила на него взгляд и увидела, что он пристально смотрит на нее, и она так удивилась, увидев его с открытыми глазами, что едва не уронила на пол пакетик с кровью.

Чарли Мэнкс был отвратительно старым, да и просто отвратительным. Его здоровенный лысый череп напоминал глобус какой-то неведомой планеты, континенты на которой обозначались печеночными пятнами и саркомами, похожими на синяки. Из всего того жуткого, что можно было увидеть в медицинском отделении тюрьмы строгого режима — оно же «Овощная грядка», — особенно жутко было видеть Чарли Мэнкса с открытыми глазами в *это* время года. По его милости в девяностых пропали десятки детей. У него был свой дом под Флэтайронс, где он убивал их, а затем вывешивал в память о них рождественские украшения. Газеты прозвали это место «Сани Санта-Клауса»[1]. *Хо-хо-хо.*

[1] Непереводимая игра слов: английское слово sleigh — «сани» — созвучно слову slay — «убивать».

На работе Эллен по большей части удавалось отключать материнскую сторону своего рассудка, не думать о том, что делал Чарли Мэнкс с маленькими девочками и мальчиками, встречавшимися ему на пути, девочками и мальчиками того же возраста, что и ее Джосайя. Если ей это удавалось, она не задумывалась над тем, что совершили в прошлом ее подопечные. Пациент из противоположного конца палаты связал свою подругу и двух ее детей, поджег их дом, и они сгорели живьем. Его схватили в баре на соседней улице, где он пил пиво, смотря по телевизору бейсбольный матч. Эллен не видела смысла зацикливаться на этих мыслях, посему приучила себя воспринимать своих пациентов лишь как придатки к медицинскому оборудованию и капельницам, к которым они были подключены: мясная периферия.

За все то время, что Эллен проработала в тюремной больнице ФИУ[1] «Энглвуд», она никогда не видела Чарли Мэнкса с открытыми глазами. Эллен работала здесь уже три года, и все это время он пребывал в коме. Из всех ее пациентов он был самым слабым — хрупкая оболочка кожи, натянутая на кости. Его монитор сердечного ритма пищал как метроном, установленный на самый медленный темп. Никто не смог определить возраст Мэнкса, однако на вид он был старше Кита Ричардса[2]. Он даже был немного *похож* на Кита Ричардса — на лысого Ричардса с полным ртом маленьких острых коричневых зубов.

В палате лежали еще три пациента в коме, «овощи», как их называл медперсонал. Поработав здесь какое-то время, можно было узнать, что у каждого овоща есть свои закидоны. Дон Генри, который сжег заживо свою подругу и ее детишек, иногда отправлялся на «прогулку». Разумеется, с койки он не вставал, однако

---

[1] Федеральное исправительное учреждение.

[2] Ричардс, Кит (род. 1943) — английский музыкант, гитарист рок-группы «Роллинг стоунз».

его ноги слабо дергались под одеялом. Был еще тип по имени Леонард Поттс, который находился в коме уже пять лет и больше никогда не должен был из нее выйти — другой заключенный вколотил ему в череп отвертку, пронзив большие полушария головного мозга. Но он иногда откашливался и громко кричал: «Я знаю!» словно ученик начальной школы, спешащий первым ответить на вопрос учителя. Быть может, закидон Мэнкса заключался в том, чтобы открывать глаза, но просто Эллен никогда прежде его за этим не заставала.

— Здравствуйте, мистер Мэнкс, — на полном автомате сказала она. — Как вы сегодня себя чувствуете?

Механически улыбнувшись, Эллен задержалась у койки, по-прежнему держа в руке пакет с кровью, нагретой до температуры человеческого тела. Ответа она не ждала, но ей показалось, что правила приличия требуют дать Мэнксу время собраться со своими несуществующими мыслями. Убедившись, что он не собирается ничего отвечать, Эллен протянула руку, чтобы закрыть ему веки.

Мэнкс схватил ее за запястье. Эллен не смогла удержаться от крика и выронила пакет с кровью. Упав на пол, пакет взорвался алым месивом, брызнув теплыми каплями ей на ноги.

— А! — закричала Эллен. — А! А! О господи!

В воздухе запахло железом.

— Твой мальчик, Джосайя, — произнес Мэнкс хриплым, скрежещущим голосом. — Для него есть место в Стране Рождества, рядом с другими детьми. Я мог бы дать ему новую жизнь. Я мог бы дать ему новую красивую улыбку. Я мог бы дать ему новые красивые зубы.

Услышать, как Мэнкс произносит вслух имя ее сына, было для Эллен даже еще хуже, чем ощутить его руку на своем запястье или кровь на своих ногах. («Кровь чистая, — напомнила себе она, — *чистая!*») Услышав, как этот человек, признанный судом убийцей, говорит о ее сыне, Эллен ощутила головокружение, самое настоящее головокружение, словно она

находилась в стеклянной кабине лифта, стремительно уносящегося в небо, а окружающий мир проваливался вниз.

— Отпустите... — прошептала она.

— Джосайе Джону Торнтону найдется место в Стране Рождества, а тебе найдется место в Доме Сна, — продолжал Чарли Мэнкс. — Человек с Противогазом скажет, как с тобой поступить. Он пустит тебе имбирный дым и научит любить его. Мы не можем взять тебя с собой в Страну Рождества. Точнее, я бы, может быть, и *взял бы,* но лучше пусть тобой займется Человек с Противогазом. Человек с Противогазом — это само милосердие.

— Помогите! — хотела выкрикнуть Эллен, но получилось лишь прошептать: — Помогите мне! — Ей никак не удавалось обрести свой голос.

— Я видел Джосайю на Кладбище Того, Что Могло Бы Быть. Джосайе следует прокатиться на «Призраке». Он будет вечно счастлив в Стране Рождества. Там мир не сможет его погубить, потому что Страны Рождества в этом мире *нет.* Она у меня *в голове.* У меня в голове все они в безопасности. Понимаешь, я давно мечтал о ней. О Стране Рождества. Я мечтал о ней, но я иду и иду и никак не могу дойти до конца тоннеля. Я слышу, как поют дети, но я не могу дойти до них. Я слышу их крики, призывающие меня, но тоннель никак не заканчивается. Мне нужен «Призрак». Мне нужен мой верный конь.

Язык Мэнкса вывалился у него изо рта, бурый, покрытый мерзкой блестящей слизью. Облизнув свои пересохшие губы, Мэнкс отпустил руку Эллен.

— Помогите! — прошептала та. — Помогите, помогите, помогите!

Ей пришлось повторить это еще два-три раза, прежде чем у нее получилось достаточно громко, чтобы ее услышали. Затем она распахнула двери и выскочила в коридор, побежала в своих мягких тапочках,

вопя что есть силы. Оставляя за собой ярко-красные следы.

Десять минут спустя двое охранников в полном боевом снаряжении привязали Чарли Мэнкса к койке, на всякий случай — вдруг он снова откроет глаза и попытается встать. Однако прибывший через какое-то время врач, осмотревший пациента, сказал, что его можно развязать.

— Этот тип не встает с койки с 2001 года. Его приходится переворачивать четыре раза в день, чтобы у него не образовались пролежни. Даже если бы он не был «овощем», он слишком слаб, чтобы куда-либо пойти. Сомневаюсь, что после семи лет полной мышечной атрофии он смог бы самостоятельно сесть.

Эллен слушала, стоя у самой двери, — если Мэнкс снова открыл бы глаза, она намеревалась выскочить из палаты первой, — однако после этих слов она нетвердой походкой подошла к врачу и задрала правый рукав халата, показывая синяки на запястье, оставленные Мэнксом.

— Это мог сделать человек, слишком слабый для того, чтобы самостоятельно сесть? Я думала, он вырвет мою руку из сустава. — Ноги у Эллен болели практически так же сильно, как и покрытая синяками рука. Стащив промокшие от крови колготки, она оттирала ноги обжигающе горячей водой и антибактериальным мылом до тех пор, пока не содрала с них кожу. Теперь Эллен была в спортивных кроссовках. Те тапочки, которые были на ней тогда, уже лежали в мусорном баке. Даже если бы их можно было спасти, Эллен вряд ли надела бы их снова.

Врач, молодой индус по фамилии Патель, бросив на нее смущенный взгляд, посветил фонариком Мэнксу в глаза. Зрачки не сузились. Патель поводил фонариком взад и вперед, однако взгляд Мэнкса оставался сосредоточен на точке над левым ухом у врача. Патель хлопнул в ладоши в дюйме у Мэнкса перед носом. Тот

даже не моргнул. Осторожно закрыв ему глаза, врач изучил кардиограмму, снятую только что.

— Тут нет ничего такого, чего бы не было на последних десяти кардиограммах, — сказал Патель. — По шкале Глазго у этого пациента девять баллов[1] — наблюдается медленный альфа-ритм бодрствования, свойственный альфа-коме. На мой взгляд, медсестра, пациент просто говорил во сне. Подобное случается даже с такими «овощами», как этот тип.

— Глаза у него были *открыты,* — возразила Эллен. — Он смотрел на меня. Ему было известно мое имя. Ему было известно имя моего сына.

— Вы никогда в его присутствии не говорили о своем сыне с другими медсестрами? — спросил Патель. — Невозможно сказать, что этот тип усвоил подсознательно. Положим, вы говорите другой медсестре: «О, мой сын стал лучшим по словарному диктанту». Мэнкс это слышит, а затем воспроизводит во сне.

Эллен кивнула, однако в то же время она подумала: «Мэнксу было известно среднее имя Джосайи», — а Эллен была уверена в том, что не говорила его никому в больнице. «Джосайе Джону Торнтону найдется место в Стране Рождества, — сказал Чарли Мэнкс, — а тебе найдется место в Доме Сна».

— Я так и не сделала мистеру Мэнксу переливание крови, — сказала Эллен. — Вот уже две недели он страдает от анемии. Подхватил через катетер воспаление мочеиспускательного тракта. Я схожу за новым пакетом.

— Не берите в голову. Я позабочусь о том, чтобы старый вампир получил свою кровь. Послушайте, вы сейчас здорово перепугались. Постарайтесь оставить

---

[1] Шкала комы Глазго — шкала для оценки нарушения сознания; минимальное количество баллов — 3 (глубокая кома).

все в прошлом. Ступайте домой. До окончания дежурства вам оставалось сколько — всего один час? Отправляйтесь отдыхать. И завтра также можете не приходить на работу. Вам нужно было сходить в магазин? Вот и сходите. Перестаньте думать о случившемся и расслабьтесь. Скоро Рождество, сестра Торнтон. — Врач подмигнул. — Разве вы не знаете, что это самое прекрасное время года?

МОСТ «НАПРЯМИК»

1986–1989 годы

Хаверхилл, штат Массачусетс

Заносе было восемь лет, когда она впервые проехала по крытому мосту, разделяющему Потерянное и Найденное.

Произошло это так: они только вернулись с Озера, и Заноза была у себя в комнате, вешала на стену плакат с Дэвидом Хассельхоффом[1] — черная кожаная куртка, улыбка, демонстрирующая ямочки на щеках, стоит, скрестив руки на груди, перед своим автомобилем КИТТ[2], — когда услышала донесшиеся из спальни родителей всхлипывания.

Поставив одну ногу на спинку кровати, Заноза грудью прижимала плакат к стене, приклеивая углы коричневым скотчем. Застыв, она склонила голову набок и прислушалась, не с тревогой, а гадая, что вывело мать из себя на этот раз. Судя по всему, она что-то потеряла.

— ...был, я же знаю, что был! — причитала мать.

— Может быть, ты сняла его на берегу озера? Прежде чем войти в воду? — спросил Крис Маккуин. — Вчера днем?

---

[1] Хассельхофф, Дэвид Майкл (род. 1952) — американский актер и певец, наиболее известен по главной роли Майкла Найта в телесериале «Рыцарь дорог».

[2] КИТТ — супераавтомобиль с искусственным интеллектом, второй главный герой сериала «Рыцарь дорог».